О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

ОЛЬГА КАЛИНИНА
Российский Этнографический Музей (Санкт-Петербург)
kalinina_ol@mail.ru

Изучение религии в различных ее аспектах является на сегодняшний день актуальным направлением гуманитарных дисциплин. Предметом изучения культурного антрополога является актуализация религиозного опыта в культуре (Панченко 1998); этнологи обращают при этом особое внимание на этнические аспекты конфессиональных процессов.

Печорский район Псковской области представляет особенный интерес для этнографического изучения религии. Периферийно-пограничное географическое положение района, патриархальный склад характера населения и его полиэтничность, миссионерская деятельность мужского Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и, наконец, отсутствие религиозных гонений в 1920–1940х гг. – все эти факторы создали своеобразную картину религиозной жизни местного населения в XX в. В силу своего пограничного положения район в разное время входил в состав различных государственных образований. Однако, конфессиональная самоидентификация населения оставалась неизменной – русские и сету исповедуют православие, немногочисленные эстонцы и латыши – лютеранство. Незначительная часть населения, принявшая в XX в. баптизм и другие направления протестантского толка, не меняет картины в целом (Калинина 2014).

Данная статья является результатом исследований 2007–2016 гг. Она основана на материалах Государственного архива Псковской области (ГАПО), Государственного архива новейшей истории Псковской области (ГАНИПО), письменных нарративах краеведческого характера и полевых наблюдениях автора, сделанных в 2007, 2008, 2013, 2014 гг. Предметом исследования является одна из важнейших составляющих традиционной культуры общества – сфера духовной жизни, связанная с церковью. В центре внимания находятся прихожане – жители Печор, деревень и хуторов; коренное население и «приезжие»; сето и русские. Отдельный вид работ был связан с наблюдением церковных праздников

и поминальных обычаев на кладбищах. В последнем случае производились краткие опросы людей разного поло-возрастного и этнического состава. В целом было взято около 120 интервью, из которых примерно 50 носит «глубинный» характер. Метод формального анкетирования не применялся, поскольку тема исследования предполагает вопросы личного характера и требует длительной доверительной беседы. Основная часть информантов – это люди 1930-х – 1942-го г.р. (22 чел.), детство которых выпало на сложный период смены властей (эстонская, советская, немецкая) и Вторую мировую войну. Вторую по численности группу составляет послевоенное поколение 1946-го – 1950-х г.р. (16 чел.). Поколение 1920-х г.р. представлено всего лишь 4-мя интервью. Самым старшим информантом является Мария, 1921 г.р., самыми молодыми – ученики воскресной школы в Печорах 6–12 лет. В силу причин демографического характера, 2/3 опрошенных представителей старожильческого населения составляют женщины. В отдельную группу информантов можно выделить коренных печорян и сельских жителей, уехавших в Эстонию в разное время (15 чел). Из приезжих и осевших в Печорском районе русских было опрошено 10 чел.

Вопросы, связанные с религиозной идентичностью и церковно-приходской жизни в православии, разрабатывались на основе современных исследований сотрудников МАЭ РАН им. Петра Великого (Бернштам 2005), Института этнографии и антропологии им. Н. Н. Миклуха-Маклая (Православная жизнь 2001). В качестве образца уже готового опросника была взята программа сбора полевого материала «Православная и русская народная культура» (Программа 2011), доработанная с учетом этнокультурной специфики Печорского края.

В виду обширности и многогранности заявленной темы, в статье рассматриваются лишь некоторые аспекты церковной жизни: влияние монастыря на общий религиозный фон в Печорах и их окрестностях, личное благочестие прихожан и конкретные, связанные с церковью, практики, религиозное воспитание, этнические особенности приходской жизни. Исследование носит антропологический характер – оно основано на личных переживаниях и эмоциях информантов, а также косвенных сведениях о религиозности, почерпнутых из архивных источников. Тема церковно-государственных отношений (Германия, Эстония, СССР – Эстонская апостольская православная церковь, Православная церковь Московского патриархата и роль Псковской православной миссии) в статье не рассматривается. За скобки вынесены также вопросы, касающиеся быта причта (священнослужителей и церковнослужителей).

Автор выражает огромную благодарность всем своим информантам – жителям г. Печоры и деревень Изборск, Малы, Гусинец, Соколово, Трынтово, Запутье, Митковицкое Загорье, Березнюк, Тайлово, Сигово и др.

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Как уже указывалось выше, специфика культуры населения Печорского района выражается в непрерывности и устойчивости церковной традиции. Поскольку в 1920 г. весь Печорский край вместе с монастырем вошел в состав Эстонской республики (Печорский уезд – Petserimaa), местные жители избежали участи, постигшей российское крестьянство в 1920–30-е гг. XX в. – раскулачивания, коллективизации, репрессий. В июне 1940 г. Эстония была включена в состав СССР. В 1941–1944 гг. Печорский уезд находился в составе Рейхскоммисариата Остланд – административно-территориальном образовании нацистской Германии. На оккупированной территории продолжали действовать храмы, район находился в сфере влияния Псковской православной миссии. После включения Эстонии в состав СССР был ликвидирован Печорский уезд. В 1945 г. Печоры и 8 окрестных волостей вошли в состав Псковской области. В 1944 г. Эстонская церковь была присоединена к Русской православной церкви Московского патриархата. Перед местными властями встала задача приведения всего уклада жизни присоединенных территорий в соответствие с советским законодательством. Печорская семинария была закрыта в 1940 г, уроки Закона Божия прекращены, большинство земель Псково-Печерского монастыря национализировано.

Следует сказать, что послевоенная политика советской власти в отношении религии уже не была направлена на тотальное уничтожение. В последние годы войны был поднят вопрос о восстановлении церковно-приходской жизни в государстве, которая должна была находиться под строжайшим контролем властей. Для этой цели в 1943 г. был создан Совет по делам Русской православной церкви. За «религиозной обстановкой» на местах должны были следить специальные уполномоченные. В отчетах по Псковской области за 1946–1947 гг. указано: «*Религиозность в области различная. В районах, отошедших от Эстонской и Латвийской ССР от мало до велика все посещают церковь и священник для них первый советчик, самое авторитетное лицо*» (ГАПО 1776, 1: 18, 9). Духовенство, направленное на служение из других регионов, местное печорское население принимало неохотно, называя их «*большевистскими попами*» (ГАПО 1776, 1: 18, 8). «*Преодолеть церковное наследие*

прошлого за короткий срок не представляется возможным...» (ГАПО 1776, 1: 185, 28) – *указано в* информационном отчете уполномоченного по делам Русской православной церкви в Псковской области за 1970 г.

Для того, чтобы подорвать авторитет священника и ограничить его влияние, инструкция к Декрету о свободе совести (24 августа 1918 г.) возлагала ответственность за все происходящее в приходе на группу мирян, состоящую из 20 человек – т. н. «церковную двадцатку». После возникновения Совета по делам Русской православной церкви именно эти 20 активных прихожан имели право подавать ходатайство в местный Совет об открытии храма или, как это было в случае с церквями Печорского района, официальной регистрации уже существующей общины. В случае положительного решения община (церковный совет, двадцатка) и все «служители культа» (приходское духовенство, церковнослужители и люди, исполняющие какие-либо обязанности в храме), обязаны были получить надлежащие справки, в которых прописывались их права и обязанности. Священники «прикреплялись» к конкретному приходу и не имели права совершать богослужения вне его, т. е. в других храмах.

С приходом к власти Н. С. Хрущева в 1953 г. в СССР начался новый этап антирелигиозной кампании. Для жителей Печорского района Псковской области именно период правления Н. С. Хрущева стал временем ожесточенный борьбы государства с церковью. Местные власти постоянно вмешивались во внутреннюю жизнь церковных приходов. Увеличились размеры налогообложения духовенства, был повышен налог на свечи, введен квитанционный учет исполнения треб с обязательной фиксацией паспортных данных верующих, введен запрет на исполнение треб в домах и квартирах кроме отдельных исключений и т. д. В стране началась очередная волна закрытия церквей и монастырей. Под угрозой закрытия находился и Псково-Печерский монастырь. После снятия с поста Н. С. Хрущева в 1964 г., произошло смягчение государственной политики в отношении религии, но сохранилась общая направленность курса на формирование антирелигиозного мышления в советском обществе.

ПЕЧОРЫ И МОНАСТЫРЬ

Печоры – это город, выросший из монастырской слободы. До начала XX в. Псково-Печерский монастырь не был широко известен общественности, являясь одной из многочисленных обителей на территории Российской империи. Однако в сер. XX в. он оказался одним из немногих

действующих на территории СССР монастырей и превратился в крупнейший духовный центр. Здесь сохранилась и нашла свое продолжение уникальная традиция духовного наставничества – старчества. В монастыре жили ученики учеников знаменитых старцев Оптиной, Вышенской, Макарьевской (на реке Лезне), Глинской пустынь. В 1957 г. сюда переселились семь монахов из Ново-Валаамского монастыря Финляндии – валаамские старцы (рис. 1).

С Псково-Печерским монастырем неразрывно связано имя знаменитого духовного деятеля Иоанна Крестьянкина, жившего здесь с 1967 и до своей кончины в 2006 г.

Печоры несомненно являлись центром притяжения для верующих людей советской эпохи. Паломники приезжали сюда за благословением и советом, а в отсутствии возможности личного посещения, посылали письма с различными просьбами. В послевоенный период, в СССР сложилась практика поминания усопших в немногочисленных оставшихся действующими монастырях. В результате современных полевых

Рис. 1. Схиигумен Лука с мальчиком. Печоры. Между 1957 и 1969 гг. Фототека РЭМ-12509-3.

Jn 1. Kloostriülem skeemaiguumen Luka poisiga. Petseri, ajavahemikus 1957–1969. Fotokogu РЭМ-12509-3.

Fig. 1. Hegumen Luka with a boy. Pechory, between 1957 and 1969. Photo collection РЭМ-12509-3.

Pilt 1. Petsere mastõra (kluustri) üleb Luka poiskõsõga. Petsere, aastagil 1957–1969. Pildikogo РЭМ-12509-3.

исследований были зафиксированы и описаны конкретные случаи посылки денег на поминовение по почте в Псково-Печерский монастырь, в частности из Рязанской области в 1960-х гг. (Кузнецов 2001) Изборянину Н. П. Дроздову (1934 г.р.) в бытность его службы в армии довелось услышать рассказ однополчанина о том, как его бабушка на исходе Великой отечественной войны была выбрана односельчанами ходоком в Печерский край. Она должна была получить благословение наместника монастыря на устройство домового храма в своей сибирской (!) деревне, привезти святой воды, иконку и горстку священной земли (Дроздов 2015: 83). «*Сюда молиться ездили, ездили. Нам понравилось, и дом купили*» – рассказывает Елизавета (1937 г.р., русская, приехала из Казани в 1940-х гг.) о себе и своей старшей подруге, принявшей затем в Печорах постриг, и ставшей тайной монахиней Серафимой[1].

Однако в этот же период в Печорском районе появились и «пришлые» люди совсем иного сорта – те, что прибыли сюда работать по распределению или, в следствии каких-либо иных жизненных обстоятельств. Это были носители совсем иной, советской идеологии, атеисты. «Чужаки» были вынуждены подстраиваться под местную систему ценностей или противопоставлять себя ей. О существовавшем противопоставлении «свои–чужие» написано в книге жительницы д. Залесье Н. Катаевой-Валк: «*Мы, печорские, тех, кто жил за Изборском, и русскими-то не считали, они были для нас «советскими»... они не знали даже «Отче наш», не говоря уже о других молитвах, не носили нательных крестов, и некоторые из них не умели даже креститься»* (Катаева-Валк 2014). Традиционный, практически дореволюционный уклад жизни населения Печор и сельской округи, вызывал у приезжих если не возмущение, то явное недоумение. Приведем некоторые характерные выдержки из протоколов собраний печорских трудовых коллективов, призванных откликнуться на проводимую в 1962 г. антирелигиозную кампанию, направленную в частности на прекращение колокольного звона действующих церквей: «*Я удивился, когда прибыл в город Печоры, что до сих пор здесь работают церкви и имеется монастырь… Проводятся религиозные обряды, как крещение, венчание, а также много рабочего*

[1] Тайное монашество (тайный постриг) в годы советской власти существовало как исключительная мера, направленная на сохранение монашества как явления во время религиозных гонений. Тайные монахи и монахини жили в миру, соблюдая все монашеские обеты и предписания, но ничем не выдавая себя окружающим. Были также и тайные монахи в схиме, т. е. принявшие наивысшую ступень монашества, предполагающую аскезу, практически полное отчуждение от мира.

времени отнимают служители церкви у колхозников и рабочих в связи со всевозможными религиозными праздниками.» (выступление Пуусепа. Протокол собрания Печорской городской пожарной части) (ГАПО 1776, 1: 120, 14); «*В первые дни жизни моей в Печорах меня очень угнетал колокольный звон. Очень неприятно ощущать, что в обществе, строящем коммунизм есть другой мир – мир, в который ведет людей религия*» (выступление Морозовой Н. И. Протокол собрания детсада № 1) (ГАПО 1776, 1: 120, 6). В ответ на отдельные выкрики местных: «*есть закон, так запрещайте, а колокольный звон нам не мешает*» (собрание Печорского хлебоприемного пункта) (ГАПО 1776, 1: 120, 21), присутствующим была разъяснена сущность вреда колокольного звона, якобы мешающего работе детских учреждений, поликлиники и больницы. Из тех же протоколов выясняется, что «*есть родители, которые водят маленьких детей в церковь*» и «*внушают им религиозные воззрения* (ГАПО 1776, 1: 120, 6). Следует сказать, что требуемое число подписей «за» прекращение колокольного звона в Печорах не было собрано и звон сохранился.

В 1970-е гг. население города значительно увеличилось в связи с основанием Печорского керамического завода (ныне Евро-Керамика) – «*понаехали со всей Руси – Волгоград, Саратов ...» (*А. Г., 1935 г.р., русский, приехал в Печоры в 1942). На окраине города возник типичный заводской поселок (микрорайон) Майский, с характерным для такого рода населенных пунктов укладом жизни, в котором не было места религии и церкви. Кроме того, в 1980-х гг. в Майском жили на поселении заключенные.

Характерно, что в результате современной активной миссионерской деятельности Псково-Печерского монастыря, в 2000 в Майском появился храм, освященный в честь Рождества Христова. Эта третья по счету городская церковь Печор была построена силами монастыря и приписана к нему. При храме создано отделение воскресной школы, детский церковный хор, осуществляется постоянная автобусная связь между монастырем и приходом, в храме сложился постоянный состав прихожан. Таким образом, поселок оказался вовлеченным в религиозную жизнь города.

При раскрытии темы влияния монастыря на население, нельзя не сказать о наместнике[2] Свято-Успенской обители. Авторитет и социальный

[2] Поскольку Псково-Печерский монастырь находится в ведении Псковского епископа, то духовное лицо, непосредственно осуществляющее руководство монастырем, носит звание наместника, т. е. заместителя.

статус человека, занимавшего эту должность, были (и есть) очень высоки. Несмотря на то, что наместник не обладал никакими официальными полномочиями в городе, ему приходилось решать множество вне-монастырских вопросов, и осуществлять, таким образом, своеобразное посредничество между населением, местными властями и внешними структурами самого разного уровня. Одной из самых ярких фигур рассматриваемого периода является архимандрит Алипий Воронов (наместник в 1959–1975 гг.), неизменно упоминаемый в воспоминаниях старожилов в связи с темой гонения на церковь и угрозой закрытия монастыря. Все информанты рассказывают о бесстрашном поступке Алипия, разорвавшего/выкинувшего документ, предписывающий закрытия монастыря.

Вероятно, немалую роль в деле сохранения монастырской жизни в Печорах во время антирелигиозной кампании начала 1960-х гг. сыграл епископ Таллиннский и Эстонский Алексий (Ридигер), получивший в 1961 г. пост заместитель председателя отдела внешних сношений Московского Патриархата. Детство будущего патриарха Московского всея Руси прошло в среде русской эмиграции Эстонии, для которой Печорский уезд/Петсеримаа олицетворял собой старую Россию.

Вопрос наличия свободы вероисповедания в СССР волновал международную общественность, в качестве доказательства оной всем интересующимся лицам и организациям демонстрировался монастырский город Печоры. В это время Псково-Печерский монастырь входил в обязательную программу посещения СССР представителями различных церквей: поместных православных, римско-католической, экуменического движения. Из отчетов о деятельности монастыря следует, что «*на гостей производило особое впечатление большое количество богомольцев и причастников*» (ГАПО 1776, 1: 143, 47а). Так, например, после литургии в Михайловском соборе монастыря профессора теологического факультета Солонского Университета выразили приятное удивление по поводу сохранившихся здесь местных традиций: «*верующие благоговейно принимают участие в пении и усердно молятся. Все это очень трогательно для нас. Это в Греции и на Западе среди православных почти безвозвратно забыто*» (ГАПО 1776, 1: 143, 47б).

Причины сохранения в советский период монастыря, никогда не прекращавшего своего служения и распространявшего влияние не только на местное население, но и намного дальше, вплоть до участия в международной политике государства, сложны и разнообразны: изменения в политическом и идеологическом курсе СССР, личностные качества

братии монастыря, умелая политика наместника и др. Люди верующие объясняют все промыслом свыше и заступничеством Богоматери: «*Монастыря хотели закрыть, все церкви эти закрыть. Но не удалось. У нас тут хозяйка – Пресвятая Богородица. Успеньё!*» (Елена, 1938 г.р., сету).

Христианский монастырь является зримым воплощением идеи посвящения человека Богу; образцом благочестия для мирян. Монастырские богослужения совершаются чаще и длятся намного дольше, чем в приходских храмах; а требования к исповеди, по рассказам информантов, гораздо строже, чем у приходского священника. Жители Печорского края обязательно посещали монастырские службы во время больших церковных праздников, заходили в монастырь по воскресеньям поставить свечку и помолиться: «*в монастырь мы бегали с детства…*» (Хелью, 1959 г.р., сету), однако основная религиозная жизнь местного населения сосредотачивалась вокруг приходских храмов.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРИХОДЫ

Следует сказать, что Печорский район избежал участи массовой ликвидации церковных приходов. Из 15 храмов, действовавших к 1961 г., был закрыт один – Преображенский в с. Колпино (до 1990 г) (ГАПО 1776, 1: 11). Во второй половине XX века на территории Печорского района было самое большое число православных приходов по Псковской области (ГАПО 1776, 1: 375, 8). В 1960-е гг. действовало 14 церквей в следующих селах: Кулье, Лисье, Тайлово, Залесье, Малы, Печки, Сенно, Паниковичи, Лавры, Даличино (Юшково); две церкви в Старом Изборске и две в Печорах. Для сравнения приведем статистику по действующим храмам Псковской области за 1978 г.: всего 86 церквей (в нач. XX в. их было более 500!), из них в Пскове – 4, в Псковском и Порховском – по 9, в Дновском и Палкинском – по 5, в Гдовском и Плюсском – по 4; в остальных районах действовали не более 1–3 церквей в каждом (ГАПО 1776, 1: 285, 5). Таким образом, в Печорском крае не нарушилась традиционная веками действующая церковно-приходская система. Наряду с церквями большую роль в жизни местного населения играли часовни (Платонов 2006; Setomaa tsässonad 2011).

Успешному функционированию церковно-приходский жизни способствовал высокий авторитет духовенства у местного населения. Ценились личные нравственные качества священников, проповеднический талант, знание психологии своей паствы – многие представители приходского духовенства являлись потомственными коренными

жителями Печорского края, существовали местные священнические династии (Верхоустинские, Ластовы). «Свой» священник мог являться предметом гордости, местной «достопримечательностью», героем различных поучительных историй или же, наоборот, анекдотов. Уважением и любовью пользуется (как у русских, так и у сету) настоятель Варваринской церкви в Печорах о. Евгений Пелешев, до этого 20 лет (1955–1975) прослуживший в с. Залесье: «*Он наш батюшка. Он нас будет хоронить, хотя он старше меня... Отец Евгений очень преданный религии*» (А. Г., 1935 г.р., мужчина, родился в Орловской обл., в Печоры вывезен 1942 г. из Германии вместе с детским домом). С любовью, уважением, а порой и со смехом вспоминают о. Николая Верхоустинского (служил в 1956–1978 гг. в Никольском храме с. Тайлово): «*Он был таким артистом! Это был удивительный священник, конечно*» (В. А., женщина, 1932 г.р., русская). Хорошим священником считается не только «добрый», но и «строгий» батюшка: «*Очень строгий, хороший батюшка. Он мне нравится по своей строгости.*» (М. Волосова об о. Василии Шведике, настоятеле Христорождественского храма, Малы)

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

Специфику церковно-приходской жизни Печорского района Псковской области определяло наличие двух этносов. Несмотря на общность религиозной ментальности, единство осуществлявшихся практик и схожесть мировоззренческих позиций, между сету и русскими прихожанами, существовали различия – наиболее существенным, «зримым» из которых являлся разный язык богослужения и молитвы: церковнославянский/русский – эстонский/сету. До 1920-х гг. сету не имели самостоятельных церковных приходов, посещая те же храмы, что и русские. В таких смешанных приходах богослужения происходили на церковнославянском или, если священник обладал необходимыми знаниями, на эстонском языках. Богослужений на языке сету не было. Языками же бытового общения в Печорском крае были русский и сету. В период довоенной Эстонской республики произошло разделение приходов на «русские» и «эстонские». В 1945 г. в Печорском районе было зарегистрировано два эстонских (то есть со служение на эстонском языке) прихода – в г. Печоры (Варваринская церковь) и с. Малы (Храм Рождества Христова) (ГАПО 1776, 1: 6, 2–13).

Деревянный однопрестольный храм святой великомученицы Варвары в Печорах и по сей день считается церковью сету, несмотря на то, что

Рис. 2. Таинство крещения совершает о. Евгений. Печоры, Варваринская церковь. 2008 г. Фото автора.

Jn 2. Isa Jevgeni ristimisteenistust läbi viimas. Petseri, Püha Varvara kirik, 2008. Autori foto.

Fig. 2. Father Evgeni conducting a baptism service. Pechory, St. Barbara Church (2008). Photo by the author.

Pilt 2. Esä Jevgeni pidä ristmisteenstüst. Petsere, Pühä Varvara kerk, 2008. Kirotaja pilt.

основная часть прихожан в начале XXI в. – русские. Церковь была отделена от прихода Сорока мучеников Севастийских в 1927 г. Настоятелями после войны были Иоанн Вахер (1947–1952), Пеэтер Вайнула (1952–1974), с 1975 г. Евгений Пелешев, русский, владеющий эстонским языком (рис. 2).

До 1970-х гг. русские в храм практически не заходили, а священнослужители не владели русским языком. Если случалась необходимость служить на церковнославянском, то приходилось приносить книги из соседней церкви или монастыря. Так делалось, например, на рождественское всенощное богослужение. Так как прихожане сету из деревень приезжали, как правило, утром 7 января, то накануне вечером в Варваринском храме шла праздничная служба для русских печорян, приходили помогать служить священники из других приходов и монахи

Псково-Печерского монастыря, в том числе наместник архимандрит Алипий (из интервью с о. Евгением Пелешевым, 2008 г.).

Вторая церковь, неразрывно связанная с историей сету – это храм Рождества Христова в с. Малы. Каменный пятикупольный собор, расположенный в 4 км от Изборска, был возведен в XVI в. и до 1764 г. являлся монастырским (Piho 2012). Основателем Мальского монастыря считается святой Онуфрий Мальский (день памяти – 12/25 июня) (рис. 3).

После упразднения обители, храм получил статус приходского. В 1902 г. к нему был пристроен придел, освященный во имя Онуфрия Мальского. С именем этого святого связан праздник с. Малы и окрестных деревень – т. н. «мальское воскресение» – первое воскресенье после праздника св. Петра и Павла. По преданию, деньги на постройку Онуфриевского придела собрал местный праведник Матвеюшка болящий (русский крестьянин Матвей Кондратьев), 40 лет пролежавший без движения, почитавшийся в народе как прозорливец. Его могила с неугасимой лампадой на сельском кладбище возле церкви и поныне пользуется почитанием. В период Эстонской республики Мальской приход был разделен: сету получили старый храм, а русские – Онуфриевский придел. В каждой церкви был свой настоятель – Иоанн Кулдмяе (Kuldmäe) – у прихожан сету; Михаил Беллавин – у русских. В 1951 г. эстонский приход был закрыт и объединен с русским. Отец Иоанн уехал в Эстонию. Местные сету были вынуждены перейти в приход единственного оставшегося «эстонского» храма в Печорах и/или ходить в мальской храм вместе с русскими. Многие представители старшего поколения сету плохо или вообще не владели русским языком – во время интервью они, с одной стороны, сожалеют об утерянной возможности молиться вместе со священником и певчими на эстонском языке, а с другой – выражают радость, что церковь не была закрыта совсем. «*Хоть русские сюда пришли, церковь все равно работала у нас… Пусть, хоть русские, хоть все… В церковь ходила. Знала, когда «Отче наш» поют. Все вместе стояли. Только вместе не можем петь.*» (Мария, 1921 г.р., сету, дает интервью на русском языке при помощи дочери); «*А теперь уже немножко понимаю, что они по-русски читают. «Отче наш», «Верую» – знаю, что начинается. Каждую молитву еще не пойму. По-русски поют. Все-равно как-то слушать приятно.*» (Ольга, 1936 г.р., сету); «*Слава Богу, хоть одну церковь оставили-то!*» (Елена, 1938 г.р., сету). Михаил Беллавин пользовался уважением у своих прихожан вне зависимости от их этнической принадлежности. С 1985 г. настоятелем храма является о. Василий Шведик. Он приезжий, однако, по словам информантов, начал

Рис. 3. Традиция прохождения под иконами при завершении крестного хода. Малы. День Онуфрия Мальского. 2013 г. Фото автора.

Jn 3. Ikooni alt läbimineku traditsioon ristikäigu lõpul. Mõla küla. Vaga Onufri päev. 2013. Autori foto.

Fig. 3. The tradition of passing under icons at the end of procession. The village of Mõla (Maly), the Day of Holy Onufri. 2013. Photo by the author.

Pilt 3. Pühäse alt läbiminek ristikäugi lõpuh. Mõla külä. Pühä Mõla Onufri päiv 2013. aastagal. Kirotaja pilt.

учить эстонский язык, чтобы понимать свою паству. У сету в Малах есть возможность исповедоваться на эстонском языке и иногда во время службы священник произносит некоторые возгласы по-эстонски.

Смешанными русско-сетускими приходами были Никольская церковь в Тайлово, Троицкая церковь в Залесье, Никольская церковь в Паниковичах.

История Никольского храма с. Тайлово неразрывно связана с фамилией «Верхоустинские». Элий Павлович Верхоустинский служил в храме с 1922 до самой смерти в 1962 гг. В 1930–40-х гг. он был благочинным Печорского округа. Его сын, Николай, служил в Тайлово с 1956 по 1978 гг. Оба Верхоустинские слыли прекрасными проповедниками, владели эстонским языком, благодаря чему богослужение в храме совершалось на двух языках.

В Залесье в 1955–1975 гг. служил Евгений Пелешев (будущий настоятель Варваринской церкви), который чередовал службы на церковнославянском и русском языках. Служивший после него Борис Ластов немного владел эстонским языком, а нынешний священник, его сын Георгий (служит с 1988 г) – нет.

Русские священники, знавшие эстонский язык, пользовались уважением местного населения. В связи с уменьшением количества сету в Печорском районе во второй половине XX в. (миграции, естественная убыль) произошло смещение акцентов в сторону русскоязычных прихожан. В Варваринской церкви с конца 1970-х гг. службы стали проводиться на церковнославянском. Постепенно о. Евгений полностью перешел на «русский» язык богослужения и лишь иногда говорит некоторые возгласы по-эстонски, когда видит в храме много прихожан сету.

Помимо особенностей, связанных с языком, русские прихожане отмечают «*большую религиозность»* сету: «*Более они такие продвинутые в вере. Ну, чаще русских ходили*» (Н. Н. Верхоустинский, 1944 г.р., русский); «*Традиции у сету чуть не языческие, хотя вера православная в них была посильнее, чем у русских. Они были очень религиозны.*» (Из интервью Е. Пелешева для Информационной службы Псковской епархии 17 декабря 2005). Архивные документы свидетельствуют о деятельном участии «эстонцев» в церковно-приходской жизни – в качестве церковных старост, певчих, псаломщиков.

ПОСЕЩЕНИЕ ХРАМА

Приходской храм являлся духовным и культурным центром, выполнял важную коммуникативную функцию: «*А вот в церкви это были встречи все…*» (Михаил, 1938 г.р., сету). С церковью была неразрывно связана праздничная культура. «*Праздник – это прежде всего церковь*» (Мария, 1921 г.р., сету). В первые послевоенные годы двунадесятые и престольные праздники отмечались с размахом, сопровождались крестными ходами, молебнами в домах и на улицах. По традиции в районе устраивалось около десяти больших (многодневных) крестных ходов в год – они ходили из Печор в деревенские храмы: «*Народ на крестный ход собирался тысячами, чуть не весь район»* (Пелешев 2001: 46). Местные жители выходили встречать богомольцев, затем происходила торжественная литургия в храме, а после – служились многочисленные заказанные молебны по домам. В 1948 г. в Печорах торжественно отмечали 475-летие монастыря. На храмовый праздник Псково-Печерской

обители – Успение Божьей матери (Успеньё – русское; Maar´apäiv – сету) в 1948 г. собралось 15 тысяч верующих (ГАПО 1776, 1: 26, 47). Из с. Локно Палкинского района Псковской области пришли крестным ходом, пройдя ок. 50 км. пешком, 150 прихожан церкви Космы и Дамиана[3] во главе со священником Николаем Верхоустинским, уже упоминавшимся выше (ГАПО 1776, 1 26, 48). В 1949 г. были запрещены многодневные крестные ходы, а в 1960 г. под запрет попал знаменитый Успенский крестный ход вокруг стен монастыря (возобновлен с 1990 г.). Церковные праздники заканчивались народными гуляниями (*kirmas/kirmask* – сету). Празднование начиналось всегда во второй половине дня после церковного богослужения. В деревню, отмечавшую престольный праздник, съезжались гости и оставались у хозяев ночевать. По традиции праздновали три дня: «*А как гостей позвать, как теперь на один обед что ли?! Так раньше не делали. Первый день был еще – разговаривали так. Второй – наповал* [пили. – прим. автора]. *На третий день тогда отправляли*» (Вера, 1948 г.р., сету). Руководство на местах (председатели сельских советов, колхозов) часто принимало участие в праздновании наравне со всеми (Кормина 2008). Работа в дни церковных праздников считалась грехом, однако нередко храмовые дни приходились на страдную пору: «*Да, здесь религиозные праздники – это что-то! Вот сенокос, надо сено убирать, а тут праздник – Илья! Вот в Кошельках женщины заставили вместе пиво пить. Все вышли, правда, сено убирать*» (Татьяна, 1940 г.р., русская). Яркое воспоминание детства одного из жителей деревни Митковицкое Загорье – это громкий звук удара в металлическую рельсу, созывающий работников соседней деревни – колхоза «Красный пахарь» на работу в пасхальное воскресенье и вид крестящейся матери: «*Неужели у нас тоже будет такое, что в Пасху на работу гоняют!*»[4] (Михаил Уйбо, 1938 г., сету). Насаждаемые сверху «красные дни» советского календаря не воспринимались в народном сознании «*настоящими*» праздниками.

---

[3] До 1920 г. указанный храм находился в сфере влияния Псково-Печерского монастыря. В 1935 г. закрыт советскими властями. Открыт в 1941 г. «Псковской духовной миссией». В 1961–1966 гг. д. Локно входила в состав Печорского района. В 1962 г. храм был закрыт вторично. В начале XXI в. началось его восстановление на средства прихожан и с помощью Псково-Печерского монастыря. Освящен в 2009 г.

[4] Колхоз «Красный пахарь» был одним из первых колхозов, организованных пришедшей в Печорский край советской властью в 1940 г. Массовая коллективизация деревень Печорского района началась уже после Второй мировой войны в 1950-х гг.

Встреча с родными и близкими в определенные дни церковного календаря подразумевала и обязательное посещение родового кладбища. В Печорском районе неукоснительно соблюдались (и соблюдаются ныне) все принятые в православии дни поминовения усопших, которые в народной традиции сопровождаются намогильной трапезой. «*Ну, здесь любят покойничков своих, любят. И они и в родительскую субботу, и не в родительскую субботу идут* [на кладбище. – прим. автора].» (Людмила, 1962 г.р., русская, в Печорский район приехала жить в 1990 г.). Неухоженная могила родственников считается большим позором; а невозможность посещения кладбища из-за болезни, отсутствия транспорта, сложностей, связанных с переходом границы – ведь многие живут теперь в Эстонии – трагедией. На кладбище приходят большими семьями, приводят детей всех возрастов: «*Вот это мой сын, я передам ему все это, когда меня не будет. Это так надо... Есть граница, но место останется*» (из диалога на Печорском городском кладбище с семьей Пауль, 1955 г.р., сету; живут в Пылве). Несмотря на то, что церковь во все времена неодобрительно смотрела на народную традицию еды и питья на могиле, особенно на распивание спиртных напитков, этот обычай стойко сохраняется в Печорском районе. «*У нас там, в Тарту, все это раньше было. Ну, в Тарту редко, кто кушает* (сейчас на могиле. – *прим. автора), а здесь всегда. В Печорах здесь всегда это было*» (Лидия, 1931 г.р., русская, сейчас живет в Тарту). Местные священники, многие из которых сами являются уроженцами Печорского края, не ведут настойчивой борьбы с этой традицией, строго осуждая только пьянство.

В дни церковных праздников храмы были переполнены: «*Если свечечку, мы были дети, поставить, так, ой, не пролезешь, ни-и-и-как*» (Е. Нимик о церкви в д. Малы до 1951г.). Особенно яркие воспоминания у всех информантов сохранились о Пасхальных службах: «*Народу много, весело. Великий пост – семь недель, ребятам скучно, а вот в церкви встретиться – это праздник»* (Михаил, 1938 г.р., сету). Из отдаленных уголков прихода люди шли пешком; ехали семьями на телегах, если удавалось договориться с председателем колхоза и взять лошадь; постепенно в послевоенный обиход вошли велосипеды, использовавшиеся как мужчинами, так и женщинами. «*На Николу*[5] *в нашем саду примерно*

[5] Храмовый праздник с. Тайлово – день перенесения мощей Святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари. 9 (22) мая. В русской народной традиции именуется Никола Вешний, т. е. весенний, в отличии от Николы Зимнего – 6 (19) декабря.

тысяча велосипедов стояло,» – рассказывает Н. Н. Верхоустинский (русский, 1944 г. р), сын и внук священников Никольского храма в д. Тайлово. Ольга (1936 г.р., сету) рассказывает о случае из ее молодости, когда ей пришлось за полтора часа пробежать от Печор до колхоза 6 км, чтобы успеть на утреннюю дойку коров после ночной пасхальной службы, поскольку не нашлось никого, кто смог бы ее подвести. На церковную службу старались попасть и в обычные воскресные дни. Посещение храма вместе с родителями – неотъемлемая часть воспоминаний детства всех информантов 1930–1950х г.р. Приведем цитаты из двух интервью о церкви в д. Малы: «*Вобщем, в воскресенье нас отправили в церковь. Когда мы уже были большенькие. А после службы мы игрались*» (Елена, 1938 г.р., сету); «*Мы с детства приучены к церкви. И уже стали подростками, когда расходимся, говорим: «Ну все, завтра встретимся в церкви. Вот так у нас, так мы говорили.*» (В. А., 1941 г.р., русская). В случае удаленного расположения деревни от приходского храма, детей брали с собой не очень часто: «*Ну туда в Печору 7–8 км. от нашего хутора. Туда детей редко взяли. А мать туда ходила петь* [в церковь]» (мужчина 1949 г.р., сету). «*А прямо здесь в Малы – 7 км, а Печора – 12 км. Первый класс, я уже пешком ходила в церковь*» (Вера, 1948 г.р., сету). «*Зимой автобусы не ходили, добирались пешком… Причащаться надо, утром пойдешь туда, вечером обратно»* (Михаил, 1938 г.р., сету).

ЦЕРКОВНЫЕ ТАИНСТВА

Причащение (евхаристия – «принятие Святых Тела и Крови Христовых») – это христианское таинство, которое должно регулярно совершаться членами церкви. Всего в православии существует семь таинств (лат. *sacramentum* – мистерия, тайна) крещение, миропомазание, евхаристия, брак, покаяние, елеосвящение, священство. К одним из них верующие прибегают регулярно или по мере необходимости, в других участвуют только раз в жизни (крещение, миропомазание). В сложившейся мировоззренческой картине православного крестьянства существует представление об обязательной необходимости причастия один раз в году (Громыко 2001). «*В основном причащались, исповедовались один раз в год. В Вербное воскресенье – целая церковь народа*» (В. А., 1941 г.р., русская). Однако причащение может совершаться (и это приветствуется духовенством) гораздо чаще в зависимости от личного благочестия человека, его жизненных обстоятельств и т. д. В церковной

практике евхаристия и покаяние (исповедь) тесно связаны друг с другом. Подготовка к причащению включает молитвы, пост, исповедь – общую или индивидуальную. По словам информантов, причащались обычно по праздникам, перед Пасхой, в день именин; в семье М. В. (женщина, 1952 г.р., сету) существовал обычай причащать кого-нибудь из членов семьи в день похорон близкого человек. Люди 1920–30х г.р. помнят, как происходило причащение школьников в период довоенной Эстонской республики и «немецкое время»: «*Вел занятия священник, и нас всем классом, в воскресенье раз в год водили, как мы говорили «грехи сдавать». То есть надо было поститься и исповедоваться… Не обходилось и без хулиганских выходок. С церкви выходят, и там кто-нибудь возьмет и сматерится* [сквернословит]*, говорит: «Вот у меня уже один грех есть новый!*» (Н. П., 1934 г.р., русский).

Необходимость крещения, венчания, отпевания никогда не ставилась под сомнение коренным населением Печорского края. С таинства крещения начинается христианская жизнь человека. После обряда трехкратного погружения в воду над новокрещенным совершается еще одно таинство – миропомазание. Священник крестообразно помазывает нового христианина миром – благовонным маслом. Крещение может быть совершено только один раз в жизни, однако в народной практике существовали нередкие примеры нарушения этой догмы. В свете уже рассмотренной выше темы «свои (православные) – чужие (безбожники)» любопытен рассказ А. Г. (1935 г.р., русский), который ребенком-сиротой попал в Печоры после войны, был взят на воспитание сотрудницей детского дома и крещен по ее настоянию вторично в 1947 или 1948 гг.: «*Тетя Леля не верила, что я уже крещеный.*» Во время нахождения у власти Н. С. Хрущева таинство крещения часто совершалось священниками на дому или за закрытыми дверями храма.

МОЛИТВА, ПОСТ, ИКОНЫ В ДОМЕ

У старшего поколения существовало твердое убеждение о необходимости посещения храма, домашней молитвы, соблюдения постов. Во многих домах хранилась религиозная литература – Библия, молитвослов (*palveraamat*) – у сету на эстонском языке. В переднем углу дома (*pühäsenulk* – сету, «бóльший угол» – местное русское название) обязательно помещались иконы, украшенные полотенцами и вошедшими в советское время в моду искусственными цветами. Иконы висели на стене или стояли на специальной полке / в шкафчике-киоте. Рядом

хранились венчальные свечи, освященные в церкви вербы (принесенные домой в Вербное воскресенье) и березовые веточки (на праздник Святой Троицы). В домашних иконостасах соседствуют старинные перешедшие хозяевам по наследству иконы, написанные на дереве, и современные иконки на бумажной основе. Это образа Христа Спасителя, Богоматери, Святого Николая, местночтимого Онуфрия Мальского, икона-покровительница Печорского края «Успение Пресвятой Богородицы». Творить молитву учились от родителей, бабушек и дедушек, поколение 1920–30х гг.р. – в школе. Вера Нурметало (Митковицкое Загорье) рассказывает о домашних молитвенных собраниях, происходивших в доме ее отца в 1950-е гг. Соседи приходили вечером каждой субботы, читали акафисты[6], молились. Здесь собирались и сету, и русские: «*Тяжелое время было. Люди обращались к Богу… Все на коленях в деревне молились.*»

Поскольку понятие «религиозность» выражалось для чиновников в статистических данных о количестве действующих церквей, социовозрастном положении прихожан, частоте посещения храма, степени влияния духовенства на население и т. д., то такие сокровенные сферы духовной жизни как пост и молитва, оказывались менее доступными для государственного контроля.

Первые религиозные знания дети получали от старшего поколения – родителей, крестных, бабушек и дедушек. Дошкольники уже знали несложные молитвы: «Пресвятая Богородице, спаси нас!», «Святый Боже, Святый Крепкий», «Отче наш» («*Meie Isa*» – эст.). Эти молитвы запоминалась на всю жизнь и именно на том языке, на котором были заучены в детстве. «*Читаю каждый день «Отче наш», но только по-эстонски. По-русски мне не запомнить… Так я уже выучила, так у меня хорошо получается*» (М. В., женщина, 1952 г.р., сету); *«По-русски вообще пойму* [молитву]. *А дома на эстонском»* (Вера, 1948 г.р., сету); «*Теперь я читаю по-русски. Раньше я читала по-эстонски. Теперь у меня есть и по-русски, и по-эстонски… Потому что я все время хожу в русский храм»* (Елена, 1938 г.р., сету).

Строгость соблюдения постов[7] в каждой семье была различная. Как правило, постились Великий и Рождественский посты, по крайней мере, первую и последнюю их недели. За соблюдением постов в семье следили

---

[6] Акафист – хвалебно-благодарственное песнопение, посвящённое Господу Богу, Богородице, ангелу или тому или иному святому.

[7] Многодневные посты – Великий, Петров, Успенский, Рождественский. Однодневные посты – среда и пятница каждой недели.

старики. В Великий пост не ели ни мясного, ни молочного, но употребляли рыбу – покупали целыми бочками соленую селедку и делили ее между семьями. Варили щи, гороховый суп, различные каши, пекли пироги с капустой и морковью, делали картофельное пюре, ели соленые огурцы. В пищу обильно добавляли льняное масло. В некоторых семьях дети школьного возраста постились наравне со взрослыми. «*Истинно верующие не ели в Великий пост и рыбу*» (А. П., женщина, 1945 г.р., сету). Танцы, гуляния, свадьбы в это время были под церковным запретом: «*Я училась в Пскове и вот глупая была, радовалась, что Великий пост – а мама меня никуда* [на танцы] *не пускала – что Великий пост, а здесь они не знают ничего. Ходим на танцы, ходим, куда хотим*» (В. А., 1941 г.р., русская).

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА И ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Поскольку перевоспитать старшее поколение в духе материализма и атеизма было практически невозможно, все внимание советской антирелигиозной пропаганды было направлено на детей и молодежь. В обязанности учителей вменялось следить за тем, чтобы школьники не посещали храмы: «*Нельзя было ребятам в церковь ходить, так помню, все тихонько полем-полем ехали*» (Хелью, 1959 г.р., сету). Однако сами учителя в большинстве своем были воспитаны в той же системе ценностей, что и их ученики. С одной стороны они должны были «*караулить у церкви*», но в то же время были случаи, когда уважительной причиной пропуска занятий в сельской школе считалось посещение ребенком храма для принятия святых таинств. Многие информанты далеко не сразу вспоминают о каких-либо запретах посещения церкви в детстве: «*Ну там было что-то одно время, что нельзя было школьникам в церковь ходить. Даже около церкви там караулили бывало, ...ну не помню, что там тогда... нас ругали потом в школе*» (М. В., женщина, 1952 г.р., сету).

Атеистическая идеология, насаждаемая сверху, должна была предстать в форме научного учения. В 1970-х гг. школах и среди колхозной молодежи проводились беседы на темы: «Почему плачут иконы», «Чудеса без чудес», «Почему некоторые люди верят в бога», «Вначале была Земля» и т. д. (ГАНИПО. Ф. 2629). В дни больших церковных праздников в Печорах на площади перед монастырем устраивались какие-нибудь яркие зрелищные мероприятия, призванные отвлечь

молодежь от посещения церкви. Громкая музыка была слышна в округе на несколько километров.

Чем ближе подходила дата Пасхи, тем больше появлялось заметок в газете «Печорская правда» о вреде религиозных праздников, антинаучной сущности церковного писания, негигиеничном обычае целования икон, способствующем распространению инфекции и т. д. Советская школа, средства массовой информации, книги, «разоблачавшие» деятельность Псково-Печерского монастыря, вырабатывали ироничное отношение к религии у молодежи и способствовали размыванию религиозного сознания у послевоенного поколения: «*… мы сами хотели жить по-другому, не так, как наши деды, и с радостью принимали всё новое, что входило в нашу жизнь. Нас воспитывали, и мы росли на примерах Зои Космодемьянской и Павлика Морозова…*» (Катаева-Валк 2014). Среди писем, приходивших уполномоченному по делам религии по Псковской области от населения, находим немало проявлений комсомольской «бдительности» в отношении духовенства и церковнослужителей. Например, жалобы на псаломщика церкви в с. Залесье Ф. П. Рыйвасеппа от группы комсомольцев. Несмотря на запрет исполнения треб дома и на кладбище, он «*исполняет на кладбище вместо священника панихиды и вообще ходит по могилкам и служит*[8]». Но больше всего молодежь возмущает, что этот человек «*живет, как ему нравится…говорит, что имеет право поступать так, как ему вздумается*» (ГАПО 1776, 1: 153, 102–103)!

В 1950-е гг. некоторые родители запрещали своим детям вступать в пионерскую и комсомольскую организации. Самими детьми такой запрет встречался с глухим недовольством: «*Я недовольна. Я какую-то ущербность чувствовала. У них там и собрания, какие-то интересные дела у них, а я вроде к этому непричастна. Я до сих пор не знаю, правильно ли делали мои родители*» (В. А., 1941 г.р., русская). Люди, воспитанное в двойной системе ценностей – государственной советской идеологии и родительской религиозной морали, в вопросе воспитания собственных детей обошлись без категоричного настаивания на соблюдении теми церковных норм и практик. На вопрос «Ходят ли ваши дети или внуки в церковь?» последовали следующие ответы: «*Ну средка* [редко], *когда праздники, похороны*» (женщина, 1952 г.р., сету); «*В детстве все время заглядывали* [в церковь], *а теперь они как-то…*

[8] По всей видимости, псаломщик читал литию – моление об умершем, которое может совершаться мирянином. Панихиду (заупокойное богослужение) может совершать только священник.

остановились. Ну, младшая [внучка] *как-то заглядывает, а старшая – нет*» (женщина, 1938 г.р., сету); «*Они не привыкли, не приучены ничуть…. Вот в этом моя вина*» (женщина, 1941 г.р., русская). Тем не менее, приходская церковь и Псково-Печерский монастырь являются основными символами религиозной идентичности коренного населения Печорского края вне зависимости от степени воцерковленности того или иного прихожанина. Представители младшего поколения, многие из которых проживают теперь вне Печорского района, обязательно посещают храм и родовое кладбище во время своего пребывания на малой родине.

В заключении еще раз подчеркнем, что Печорский район – это уникальный локус, находящийся на стыке двух культур. Для истории России Печоры уникальны сохранением непрерывной церковной и монастырской традиции; а для Эстонии – ярко выраженной культурой православия в целом. Церковь является неотъемлемой составляющей культуры Печорского края. Приходские священники послевоенного периода (Пелешев, Верхоустинские, Беллавин, Ластовы и др.) служили и служат на одном месте не один десяток лет, наблюдая постепенную смену поколений, отток сельского населения в города, «вымирание» хуторов, появление на их месте дачных поселков. Современная церковно-приходская жизнь в сельской местности оценивается русскими и сету прихожанами 1920-х–1940-го г.р. одинаково: раньше приходы были многолюдными, теперь многие старики умерли, а молодежь разъехалась. Богослужений на эстонском языке нет. Главной проблемой личностного характера для них является невозможность частого посещения храма и родового кладбища из-за плохого состояния здоровья и отсутствия транспорта. Никаких репрессий по отношении к себе, как к прихожанам, они не вспоминают. Поколение 1946-го – 1950-х г.р. воспитывалось школой уже в новой системе ценностей, в которой религии предназначалась роль ненужного «пережитка», удела стариков и старух. Тем не менее, домашнее религиозное воспитание продолжало функционировать, а меры по устранению молодежи из церкви не заходили дальше «караула» у монастыря и дверей храма в Печорах во время больших праздников; в сельской же местности часто не предпринималось никаких антирелигиозных мер. Информанты 1950х – 1960-х г.р. свидетельствуют о том, что с возрастом стали все чаще посещать храм, тогда как в молодости были заняты другими заботами. Современная деятельность церквей Печорского района и в особенности монастыря направлена на распространение влияния на население, особое внимание уделяется работе с молодежью и детьми. «*Район у нас намоленный, и местные жители стараются жить*

по православным законам» (Григорьева 2011) – утверждает и. о. начальника криминальной милиции Печорского РОВД А. Ю. Остапенко в интервью газете «Псковская правда» по поводу кражи икон в Залесском храме в 2011 году, совершенной, по его мнению, приезжими. Очевидно, что степень религиозности населения зависит от множества факторов: места, времени, исторически сложившегося культурного фона, состава прихожан и, наконец, немаловажным является фактор личностный – как руководства (светского и духовного), так и рядового священства.

Исследование носит предварительный характер и будет продолжено на основе более широкого круга источников с привлечением новых полевых материалов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО)

ГАНИПО. Ф. 2629. Оп. 5. Ед. хр. 21. Л. 6, 27, 76, 69. – Рапорта пионерских дружин и отрядов 8-летних школ. 1972 г. ; ГАНИПО Ф. 2629. Оп. 5. Д. 10. Л. 41. – Рапорта комсомольских организаций, предприятий, колхозов и совхозов. 1972 г.

Государственный архив Псковской области (ГАПО)

ГАПО 1776, 1: 6, 2–13. ГАПО Ф. Р. – 1776. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–13 – Наблюдательное дело по эстонской церкви погоста Малы Печорского р-на 1945–1951 гг.

ГАПО 1776, 1: 11. ГАПО. Ф. Р 1776. Оп. 1. Д. 11. – Наблюдательное дело по Преображенской церкви погоста Колпино Печорского р-на.

ГАПО 1776, 1: 18, 8. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 18 Л. 8.

ГАПО 1776, 1: 18, 9. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 18. Л. 9.

ГАПО 1776, 1: 26, 47. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 47.

ГАПО 1776, 1: 26, 48. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 26. Л. 48. – Уполномоченый по делам религии А. Лузин. Отчет о работе за I–II кв. 1948 г.

ГАПО 1776, 1: 120, 6. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 120 Л. 6.

ГАПО 1776, 1: 120, 14. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 14.

ГАПО 1776, 1: 120, 21. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 120 Л. 21.

ГАПО 1776, 1: 143, 47а. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 143. Л. 47. – О различных делегациях, пребывавших в Печорах. 1965 г.

ГАПО 1776, 1: 143, 47б. ГАПО. Ф. Р. – 1776. Оп. 1. Д. 143. Л. 47 – Отчет о Греческой делегации 22–24 окт. 1964 г.

ГАПО 1776, 1: 153, 102, 103. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Д. 153. Л. 102, 103. – Ходатайства, жалобы, заявления верующих за 1965 г.

ГАПО 1776, 1: 185, 28. ГАПО Ф. Р. – 1776. Оп. 1. Д. 185. Л. 28. – Информационный отчет уполномоченного по делам РПЦ при Совмине СССР по Псковской области за 1970 г.

ГАПО 1776, 1: 285, 5. ГАПО. Ф. Р – 1776. Оп. 1. Ф. 285. Л. 5.

ГАПО 1776, 1: 375, 8. ГАПО. Ф. Р. – 1776. Оп. 1. Д. 375. Л. 8 – Сведения о религиозной обстановке в области за 1990 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштам, Т. А. 2005. *Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Дроздов, Н. П. 2015. *А это было так. Истории из жизни изборян.* Изборск [б. и.].

Григорьева, Ольга 2011. *Безбожники.* http://pravdapskov.ru/rubric/18/7567 (05.08.2016).

Громыко, М. М. 2001. Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божьей. – *Православная жизнь русских крестьян в XIX–XX вв.* Ответственный редактор Т. А. Листова. Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука.

Интервью с отцом Евгением, которое он дал Информационной службе Псковской епархии 17.12.2005.
http://www.pskov-eparhia.ellink.ru/browse/show_news_type. php?r_id=908 (05.08.2016).

Калинина, Ольга В. 2014. Этноконфессиональная ситуация в Печорском районе Псковской области во второй половина XX – начале XXI в. – *Историко-культурный ландшафт Северо-Запада* 3. *Шестые международные Шёгреновские чтения сборник статей.* Составители и научные редакторы С. Б. Коренева, О. М. Фишман. Санкт-Петербург: Европейский дом, 276–285.

Катаева-Валк, Надежда 2014. *Там, где я родилась*. Тарту: Диалог.
http://www.proza.ru/2011/03/02/174 (05.08.2016).

Кормина, Ж. В. 2008. Исполкомы и приходы религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку. – *Неприкосновенный запас* № 3 (59).
http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ko11.html (05.08.2016).

Кузнецов, С. В. 2001. Православный приход в Рязанском крае (вторая половина XIX–XX вв.). – *Православие и традиционная народная культура Рязанской области*. Рязань Ряз. обл. науч. -метод. центр нар. творчества, 18–19.

Панченко, Александр А. 1998. *Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Пелешев, Евгений 2001. При пяти настоятелях. – *В Псково-Печерском монастыре (Воспоминания насельников).* Москва: Отчий дом.

Платонов, Евгений В. 2006. Часовни Изборско-Мальской долины. – *Изборск и его округа (материалы II Международной научно-практической конференции*). Изборск: Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск», 151–158.

Православная жизнь 2001 = *Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: Итоги этнографических исследований.* Отв. ред. Т. А. Листова. Москва: Наука.

Программа 2011 = Программа сбора полевого этнографического материала по теме «Православие и русская народная культура». 2011 – *Православная и традиционная народная культура Рязанской области.* Рязань, 198–218.

Piho, Mare 2012. Mõla klooster Setomaal. – *Setumaa kogumik 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajaloost ja rahvakultuurist.* Koost. Mare Aun ja Merlin Lõiv. Tallinn–Värska: SA Seto Instituut, TLÜ Ajaloo Instituut, MTÜ Arheoloogiakeskus, 359–387.

Setomaa tsässonad 2011 = Raudoja, Ahto, Tapio Mäkeläinen (koost.) 2011. *Setomaa tsässonad.* Toim. Helen Alumäe, Paul Hagu. Obinitsa: Setu Kultuuri Fond.

Kokkuvõte

PETSERI RAJOONI USUELU MÕNEDEST ASPEKTIDEST 20. SAJANDI TEISEL POOLEL

Olga Kalinina

Artikkel käsitleb Pihkva oblasti Petseri rajooni elanikkonna koguduste usuelu Teise maailmasõja järel. Erilist tähelepanu pööratakse nõukogude perioodile ning kiriku tegutsemise spetsiifikale nõukogude antireligioosse riikliku poliitika tingimustes. Töö allikmaterjaliks on Vene riigiarhiivi materjalid Pihkvas ning autori enda etnoloogilistel välitöödel kogutud andmed.

Kohalikud põliselanikud – venelased ja setod – on õigeusklikud. Tugevat mõju on elanikkonnale kogu aeg avaldanud Petseri klooster, mis 20. sajandi keskpaigast muutus palverändude sihtpunktiks kogu toonase Nõukogude Liidu õigeusklike jaoks. Religioosse olukorra unikaalsus antud piirkonnas seisneb kiriklike traditsioonide katkematus püsimises ning koguduste võrgustiku kestmises. Klooster ja 14 kohalikku kirikut on tegutsenud jumalateenistuste katkestusteta. Nikita Hruštšovi aegse usulise tagakiusamise perioodil aastatel 1958–1964 ning edasiste aastate kirikuvastase propaganda tingimustes jätkas rahvas kirikus käimist, järgides vastavaid kombeid ja ettekirjutusi. Koguduse pühakoda oli vaimseks ja kultuuriliseks keskuseks, täites olulist kommunikatiivset ülesannet.

Kiriku- ja koguduseelu omapära Petseri rajoonis väljendus kahe rahvusrühma olemasolus. Erinevus nende vahel on seisnenud ennekõike jumalateenistuste ja koduste palvete keeles – kirikuslaavi/vene ühtedel ja eesti/seto teistel. Pärast sõda oli Petseri rajoonis kaks kirikut, kus teenistust peeti eesti keeles – Petseri Püha Varvara kirik ning Mõla Kristuse Sündimise kirik (1951. aastal suleti eesti kogudus Mõlas ning liideti vene omaga). Muudes paikades käisid setod samades kirikutes, kus venelasedki. Kui vaimulik oskas eesti keelt, toimusid teenistused sellistes segakogudustes kahes keeles.

Vaimulikkonna autoriteet on kohaliku elanikkonna seas olnud alati kõrge. Artiklis on vaatluse all konkreetsed 20. sajandi teise poole kiriklikud praktikad: kirikus käimine pühade ajal ning pühapäevadel, sakramentidest osasaamine, paastu pidamine, kodused palvused. Ristikäigud olid nõukogude perioodil keelatud. Kiriklikke traditsioone hoidsid alal vanemad inimesed. Kuna vanema põlvkonna ümberkasvatamine materialismi ja ateismi vaimus oli praktiliselt võimatu, oli kogu nõukogude usuvastase propaganda tähelepanu suunatud lastele ja noortele. Kooliõpetajad olid kohustatud jälgima, et õpilased ei käiks pühakodades. Artiklis püütakse jälgida muudatusi selle põlvkonna religioosses maailmavaates, keda on kasvatatud kahes erinevas väärtussüsteemis – vanemate usulises traditsioonis ja nõukogulikus haridussüsteemis. Vaatamata religioosse teadvuse vähenemisele kooli, massikommunikatsiooni ja sissesõitnud elanikkonna kontaktide mõjul, ei kujunenud sõjajärgsel põlvkonnal Petseri rajoonis välja ateistlikku maailmavaadet. Tänapäeval jätkub Petseri kloostri usku kuulutav tegevus.

Summary

SOME ASPECTS OF THE RELIGIOUS LIFE OF THE POPULATION OF PECHORSKY DISTRICT IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY

Olga Kalinina

The article gives an insight into the religious life of the population of Pechorsky District in Pskov Oblast after the Second World War. Special attention is paid to the Soviet period and the regulation of church activities under Soviet antireligious state policy. The study is based on archival materials from the Russian state archives (Pskov) and the author's own materials collected during ethnological field trips.

Local indigenous peoples – Russians and Setos – are Orthodox. A strong influence on the population has always been the Pskovo-Pechersky Monastery which, starting from the middle of the 20th century, became a pilgrimage site for all the Orthodox believers in the former Soviet Union. The uniqueness of the religious situation in this particular region lies in the continuity of ecclesiastical traditions and the network of congregations. The monastery and 14 local churches have been in operation all the time without a break. During the Khrushchev era of religious persecution (in 1958–1964) and in the conditions of anti-church propaganda of the following years, the population continued to attend church, observing corresponding traditions and precepts. The parish church was a spiritual and cultural centre serving an important communicational role.

The special trait of the church and congregation life in Pechorsky District lay in the existence of two nationalities. The difference between them has above all been in the language of church services and home prayers: Church Slavonic/Russian for one, and Estonian/Seto for the other. After the war there were two churches in Pechorsky District where the services were held in Estonian – St. Varvara's (St. Barbara's) Church in Pechory and the Maly (Mõla) Church of the Nativity (in 1951 the Estonian congregation was closed in Maly (Mõla) and joined with the Russian one). In other places the Setos attended the same churches as the Russians. If the priest could speak Estonian, the services in such mixed congregations took place in two languages.

The priests have always held a position of high authority among the locals. The article gives an overview of specific church practices that were observed by the population in the second half of the 20th century including attending church on Sundays and holy days, reception of sacraments, observance of the seasons of the church year, fasting, and praying at home. Religious processions were prohibited during the Soviet period. It was older people who sustained church traditions. As it was practically impossible to re-educate the older generation in the spirit of materialism and atheism, all the attention of the Soviet anti-religious propaganda was directed at children and the youth. Teachers were obliged to check that their pupils would not visit churches.

The article follows changes in the religious world-view of the generation who had been brought up with two different value systems – their parents' religious tradition and the Soviet educational system. Despite a decrease in religious knowledge due to the influence of school, mass communication and contacts with immigrant populations, the post-war generation in Pechorsky District did not develop an atheistic view of the world. Nowadays the Pskovo-Pechersky Monastery continues to carry on its activities of proclaiming faith.

Kokkovõtõh

USUELOST PETSERE RAJOONIH 20. AASTAGASAA TÕÕSÕH POOLÕH

Kalinina Olga

Kirotusõh kaias Pihkva oblasti Petsere rajooni kogoduisi usuello päält tõist ilmasõta. Eräle uurtas nõukogo aigu ni tuud, kuis kerk tuu ao usuvastalidsõ poliitiga all tüütä' sai. Kirotusõ lättist omma' Vinne riigiarhiivi matõrjali' Pihkvah ni kirotaja hindä etnoloogilitsi välitöie matõrjali'.

Põliselänigu', kiä' sääl eläse' – vindläse' ja seto' – omma' õigõuskligu'. Rahvast om kõik aig kõvva mõotanu' Petsere mastõra, kohe 20. saandi keskpaigast pääle tull´ õigõusklikkõ palvõrändäjit üle terve tuulaigadsõ Nõukogodõ Liidu. Usuas´a' omma' tah kandih eis'muudu tuu poolõst, õt mastõra ja 14 kerkot, kerkokombõ' ja kogoduisi võrgostik omma' tah läbi ao kõik aig püüsünü' ja tüütänü' ilma vaihõpääl kakkõmalda. Hruštšovi Nikita ao usulidsõ takahkiusamisõ (1958–1964) ni säält edesi alanu kerkovastalidsõ kihotustüü aol käve' inemise' õks kerkoh edesi, täüdi' kerko kombit ja ettekirotuisi. Kogodusõ pühäkoda oll´ inemisile õks vaimu- ja kultuurielo keskus ni tähtsä kotus tõisi inemisiga läbikäümisel.

Petsere rajooni kerko- ja kogodusõelo om olnu' ummamuudu selle, õt siih om elänü' kats rahvast, kinkast osal oll´ kerkoteenstüse ja kotoh pallõmisõ kiil kerkoslaavi vai vinne ja tõisil eesti vai seto kiil. Päält sõta oll´ Petsere rajoonih kats kerkot, koh teenstüst peeti eesti keeleh – Petsere Pühä Varvara kerk ni Mõla Kristusõ Sündümise kerk (1951. aastagal lõpõtõdi eesti kogodus Mõlah ar' ni panti kokko vinne umaga). Tõisih kotussih käve' seto' sammoh kerkih koh vindläseki. Ku papp mõist´ eesti kiilt, sis peeti sääntsih kogoduisih teenstüisi katõh keeleh. Papi' ni muu' kerkoinemise' omma' tah inemisi siäh kõõ väiga avvu seeh olnu'.

Artiklih kaias kerkotoimõnduisi, midä inemise' omma' 20. saandi tõõsõl poolõl tennü': kerkohkäümine pühhi aol ni pühäpäivil, sakramendi', kerkopühhi pidämine, paastminõ, kotoh pallõminõ. Ristega käümise' olli' nõukogodõ aol keeledü'. Kerkokombidõ hoitjist olli' vanõba' inemise'. Selle, õt vanõbat põlvõ materialistist ja

jumalasalgajast ümbre kasvata' õs saa', tetti nõukogodõ usuvastast kihotustüüd latsi ja nuuri man. Koolioppaja' pidi' perrä kaema, õt latsõ' käüsi-i kerkoh. Artiklih kaias muutuisi tuu põlvkunna usulidsõh ilmakaemisõh, kedä om kasvatõt katõh eis'muudu väärtüssüsteemih – vanõmbidõ usukombidõ ja nõukogodõ koolikõrra perrä. Päältsõa aolitsõl põlvõl jäi külh usumiil kooli, aokirändüse ja sissesõitnu rahvaga läbikäümisõ mõol nõrgõmbast, a jumala maaha salgamist Petsere rajoonih joht vällä kujonõ-õs ni täämbätsel pääväl kuultas Petsere mastõra usku õks edesi.